

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА

УДК 821.111(73)-31(Драйзер Т.):811.161.1'255.2. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-22.
ББК Ш33(7Coe)6-8,44+Ш307. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР – «СОВЕТСКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ КЛАССИК»

Панов С. И.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7240-7219>

Панова О. Ю.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

А н н о т а ц и я. Советский литературный пантеон популярных и любимых в Советском Союзе иностранных классиков сложился в результате целенаправленной работы советских литературных институций. Анализ феномена «советского Драйзера» – писателя, которого в СССР 1920-х годов литературная критика характеризовала как «мелкобуржуазного индивидуалиста», но уже в первой половине 1930-х объявила крупнейшим американским писателем XX века и лучшим другом Советского Союза, позволяет вскрыть и проанализировать механизм возникновения такого феномена, как «советский зарубежный классик». Исследование, выполненное в духе историко-литературного и источниковедческого подхода, опирается на детальное рассмотрение советских переводных изданий Драйзера и издательской политики, принципы которой наиболее ярко представлены в 12-томном собрании сочинений 1950–1955 гг., критики (книг и статей в периодике), в которой отразилась динамика литературной репутации Драйзера в соответствии с изменениями идеологической линии и литературной политики. В статье использованы как опубликованные, так и архивные источники, включая переписку Драйзера с советскими редакторами, критиками, литературными институциями, периодическими изданиями, а также читательские отзывы на произведения Драйзера, собиравшиеся массовым сектором Гослитиздата в 1930-е гг.: в них рядовые читатели выражали свое мнение о взглядах и убеждениях американского писателя, делились впечатлениями об его романах, сюжетах и персонажах. Особое внимание уделяется принципам отбора драйзеровских сочинений, работе советских редакторов, составителей и издателей, представлявших Драйзера советской аудитории под «правильным» углом зрения. Рассматривается феномен советских текстов Драйзера (его публикации в советской прессе, которые не печатались в США и не были известны американской публике, советские инсценировки по произведениям Драйзера) и их роль в складывании советского драйзеровского канона. Анализ этого материала позволяет реконструировать методы, использовавшиеся агентами советского «поля литературы» для создания образа Драйзера, который заметно отличался от его образа и литературной репутации у него на родине.

К л ю ч е в ы е с л о в а: американская литература; американские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературный канон; советская издательская политика; советский период; литературная критика; рецепции; советско-американские литературные связи; переводная литература; переводы

THEODORE DREISER AS A “SOVIET FOREIGN CLASSIC”

Sergei I. Panov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7240-7219>

Olga Yu. Panova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2520-120X>

Abstract. The Soviet literary pantheon of foreign writers widely read and popular in the USSR was made up as a result of conscious focused efforts and purposeful work of Soviet literary institutions. The case study of Theodore Dreiser (who was criticized as a “petty-bourgeois individualist” in the 1920s but gained a reputation of the greatest twentieth-century American classic and the best friend of the Soviet Union by the early 1930s) allows the researchers to uncover and analyze the mechanism of emergence of such a phenomenon as “a Soviet foreign classic”. The study carried out in the spirit of historico-literary and source-based approach involves in-depth exploration of Dreiser’s Soviet translations and publishing strategy that culminated in the twelve-volume collected works published in 1950–1955, as well as detailed examination of literary criticism in periodicals and books that reflected Dreiser’s growing reputation – obviously a response to the changing political agenda and ideological shifts. The paper is based on published materials and unpublished documents from the Russian archives, including Dreiser’s correspondence with Soviet literary institutions, periodicals, editors, critics; the authors also use feedback from readers organized and gathered by Goslitizdat – reviews and comments made by “ordinary people” on Dreiser’s views and beliefs, his novels, plots, characters and style. Special attention is paid to the principles of selection of Dreiser’s works by editors and publishers who presented Dreiser to the Soviet readers in the “correct” perspective. The authors look at the phenomenon of Dreiser’s Soviet texts – publications in Soviet press unknown to American audience and adaptations of Dreiser’s works for stage and filming, made by Soviet dramatists and their role in the formation of the Soviet canon of Dreiser. Diving into this material helps to reconstruct the methods applied by agents of the Soviet “literary field” to create and convey a specific Soviet image of Dreiser, quite different from his image and reputation at home.

Keywords: American literature; American writers; literary creative activity; literary genres; literary canon; Soviet publishing policy; Soviet period; literary criticism; receptions; Soviet-American literary relations; translated literature; translations

Для цитирования: Панов, С. И. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик» / С. И. Панов, О. Ю. Панова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 249–262. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-22.

For citation: Panov, S. I., Panova, O. Yu. (2021). Theodore Dreiser as a “Soviet Foreign Classic”. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 249–262. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-22.

Проблема «воспитания» советского писателя и читателя, складывания «соцреалистического канона» с одной стороны, и различные аспекты советско-западных литературных связей (включая контакты, переписку, поездки, писательский активизм и культурную дипломатию, публикацию западных авторов в СССР, посвященную им литературную критику и т. д.), с другой, в последние десятилетия не раз привлекали внимание исследователей¹. В этом контексте представляется заслуживающим внимания такой феномен, как апропри-

ация иностранных авторов в советский литературный канон и конструирование фигуры «советского зарубежного классика».

Начиная с 1930-х, советская культурная политика была направлена на создание пантеона зарубежных писателей – «друзей СССР», прогрессивных писателей, борцов за мир, антиимпериалистов, очень популярных и близких советским людям. Это была иная близость, чем в дореволюционной России, когда в определенные эпохи иностранная, например, французская, литература являлась «своей»

¹См. напр. [Добренко 1997; Добренко 1999; Диалог писателей 2002; Голубев 2004; Куликова 2013; Постигение Запада 2015; Дэвид-Фокс 2015] и целый ряд др. отечественных и зарубежных исследований.

(в том числе и в плане языка) для узкого слоя образованных читателей, ощущавших свою естественную, органичную принадлежность к европейской культуре. В советской стране мы имеем принципиально иной тип присвоения иностранной литературы и зарубежных авторов – выстраивание системы сближения во многом искусственными средствами; это был процесс управляемый и методично осуществлявшийся.

Основными составляющими «технологии» по превращению иностранного автора в особый тип писателя – «советского зарубежного классика» были: литературная критика; издательская политика; присутствие автора в советской прессе, на радио в театре и кино; включение в учебные программы средней и высшей школы; работа с читателем; контакты автора с советскими коллегами по цеху – писателями, критиками, а также с функционерами, представляющими советские литературные институции. В итоге в СССР возник особый тип писателя, который можно назвать «советским зарубежным классиком». Проект этот был в целом успешным и к 1950-м он полностью состоялся: миллионы советских читателей как «свою» литературу воспринимали творчество ряда иностранных писателей, в том числе романы Фейхтвангера, Роллана, Генриха Манна или Драйзера. На этом последнем примере мы постараемся проследить, как происходила кооптация современного зарубежного литератора в советскую культуру и включение в пантеон «советских зарубежных классиков».

Созданный в СССР образ Драйзера – «титана современной литературы» резко отличался от репутации писателя на родине. Молодой дипломат Андрей Громыко, прибывший на службу в США в 1939 г., был поражен, как громом, когда обнаружил, что его преподавательница миссис Топмсон, «бакалавр-филолог, специалист в области английского языка и американской литературы», не знает о существовании Теодора Драйзера, все книги которого были перечитаны А. А. Громыко в Москве [Громыко 1990: II: 380–381]. В 1963 г. советский исследователь Драйзера И. И. Анисимов выступил перед британской академической аудиторией со специальным докладом¹, в котором

проанализировал парадоксальную ситуацию очень разного отношения к писателю в СССР и у него на родине, в Америке. В СССР это всеми любимый современный классик («дружба между Драйзером и советскими читателями – нерушимая дружба»), в США – неактуальный бытописатель, сданный в культурный архив («принадлежит далекому прошлому»). Факт «экспроприации» Драйзера Советским Союзом Анисимов расценивал как несомненную победу советской культуры.

Литературная критика: репутация и образ «классика»

Статус «советского зарубежного классика» предполагал обширную критику и обилие литературоведческих работ – десятки диссертаций, монографии, постоянно появлявшиеся журнальные и газетные статьи, которые тенденциозно формировали образ писателя и внедряли его в сознание советского читателя.

Образ Драйзера и его литературная репутация претерпевали в СССР значительные, порой весьма радикальные изменения. В 1920-е-начале 1930-х гг., когда Драйзер только пришел к советским читателям, его ценили за внимание к жизни угнетенных, за показ темных сторон капитализма, за систематичность, документальность, точность и масштабность в изображении общества; в качестве недостатков отмечались индивидуализм, натурализм (влияние Дарвина, Гексли и Спенсера) с его биологизацией общества и человека, жестким детерминизмом [Ланн 1930]; отмечалось, что критикуя капитализм, Драйзер, тем не менее, принимает его как систему. Книга «Драйзер смотрит на Россию» (1928), выпущенная им по возвращении из путешествия в Советский Союз (ноябрь 1927 – январь 1928) в то время была воспринята как подтверждение его репутации «мелкобуржуазного радикала». О том, как далеко было тогда восприятие Драйзера от почтения и восхищения, которым он был окружен со второй половины 1930-х гг., свидетельствует отчет сотрудника ВОКС – Всесоюзного общества культуртвязи с заграницей, подводивший итоги пребывания Драйзера в Советском Союзе:

Дрейзер... типичный буржуазный писатель со специфической мелко-буржуазной индивиду-

¹ АРАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 140.

листической идеологией, не желающей снизойти до глубокого анализа, явления, которые по своей новизне и противоречиям являются совершенно чуждыми его, Дрейзера, мировоззрению <...> Дрейзер слишком стар и болен для того, чтобы вникать в суть тех явлений, с которыми ему впервые приходится сталкиваться, это с одной стороны, с другой – он абсолютно ничего не смыслит в экономике и очень мало что в политике [Александров 1988: 372].

Отзвуки критики 1920-х гг. еще явственно слышны и в предисловиях С. Динамова к первому собранию сочинений Драйзера (1928–1933):

Да, Теодор Драйзер в своих произведениях ставит те или иные общественные проблемы, в них сверкает его отрицание тех или иных сторон американского общества, он протестует, борется, кричит, негодует. Но основное – не это, хотя для нас он ценен именно социальным. Вглядываясь в действительность, Драйзер прежде всего видит в ней особь, индивида, человека <...> Его путь – от личности к среде. Он – не социальный романист. Или, вернее, социален постольку, поскольку его герои связаны с обществом, со средой, с эпохой <...> это индивидуальное у Драйзера не есть лишь психологическое, оно предстает у него в тесной слитности со средой, внешним миром, с «вещной» действительностью <...> В общественном смысле Драйзер – гигант, на коленях стоящий перед подавляющим его колоссальным капиталистическим зданием [Динамов 1929: 7, 12].

Однако линия на поддержку «революционных мелкобуржуазных» авторов¹, привлечение их в ряды союзников способствовала укреплению репутации Драйзера. Вторым немаловажным обстоятельством было «полевение» Драйзера вскоре после его поездки в СССР под влиянием начавшейся Великой депрессии. На рубеже 1920–1930-х в РАППовской критике он характеризуется как попутчик, констатируется его сближение с Советским Союзом. Красноречивы сами названия литературно-критических статей о Драйзере этого времени – «Травля Теодора Драйзера началась» (Динамов С. «Литературная газета». 1931. 27 окт.), «Теодор Драйзер на революционном пути» (Елистратова А.

«На литературном посту», 1932. № 11. С. 39–41). О нем пишут, что он стал «революционным публицистом... острым критиком капиталистической системы и пламенным защитником СССР» [Динамов 1931: 98], отмечают его публикации в левой прессе (например, в органе компартии США «Daily Worker»), поддержку им стачек и забастовок, его «атаку на капитализм, социал-фашизм, религию и диктатуру банков и трестов» [Динамов 1932: 135] в книге «Трагическая Америка» (1931). Уже с 1933 года за Драйзером окончательно закрепляется репутация «друга СССР» и «современного классика», и к середине тридцатых он превращается в одного из самых надежных и последовательных друзей СССР. Литературная критика пишет не только о творчестве Драйзера, но не в меньшей степени уделяет внимание его общественной активности – освещались, например, его поездка в Харлан к бастующим шахтерам в составе писательской делегации (1931), участие в кампании за освобождение Тома Муни и т. д.

Однако тридцатые все же не были «безоблачными» в отношениях Драйзера и СССР – о чем свидетельствует документ Иностранной комиссии Союза писателей, подготовленный для внутреннего использования:

В связи с разногласиями, которые были у Драйзера с редакцией журнала «Нью Массес» из-за опубликования его антисемитского письма, а также в связи с его некоторыми сомнениями в отношении нашего закона против абортос (он считал это подготовкой к войне), в переписке с ним был перерыв. Во время войны Драйзер сразу занял решительную позицию на поддержку внешней политики СССР. Письмо, присланное в Иностранную Комиссию Союза советских писателей, опубликованное в «Правде» в виде статьи «Заря на Востоке», является ярким выражением симпатии Драйзера к Советскому Союзу².

Действительно, после массива публикаций о Драйзере 1928–1934 гг. с 1935-го и до 1941 года о нем у нас почти не пишут – словно возник какой-то заговор молчания. Однако это не случайность: очевидно, что после обнародования в 1935 г. в журнале «Nation» переписки Драй-

¹ См. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. Опул.: Правда. 1925. 1 июля; Известия. 1925. № 25–26.

² Справка Иностранной комиссии Союза советских писателей: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед.хр. 117.

зера и журналиста Хэтчинса Хэпгуда по еврейскому вопросу (что дало основания для обвинения Драйзера в антисемитизме), после высказываний Драйзера о Троцком, троцкизме, московских процессах¹, советская сторона заняла выжидательную позицию. Потом началась война – в ходе которой советская пресса не раз публиковала высказывания Драйзера в поддержку СССР².

Окончательно канонический образ Драйзера складывается после войны и после смерти писателя – в 1950-е гг. Вступление Драйзера в компартию в августе 1945 г. позволило представить его путь как постепенный процесс идейного роста и достижения зрелости, свидетельством наступления которой становится заявление о приеме в компартию США за несколько месяцев до смерти. Советская критика «воспользовалась финальным обстоятельством его жизни, чтобы представить всю его карьеру как постепенный триумф неизбежной истины. Драйзер предстал как писатель, на протяжении полувека тщательно собиравший целые горы доказательств, внимательно и целенаправленно изучавший их, с болью и трудом преодолевавший глубоко засевшие в нем буржуазные предрассудки... и в конце концов переживший блаженное просветление» [Brown 1962: 265]. Так в критике завершается создание биографической легенды Драйзера как пути от заблуждений к истине, от мелкобуржуазных предрассудков – к марксизму, социализму и коммунизму. Именно такой образ Драйзера предстает в диссертациях, статьях, книгах и учебниках 1940-х-1970-х гг.

Еще в 1930-х гг. Драйзер вошел и в учебно-педагогический канон. С. С. Динамов и И. И. Анисимов, преподававшие в 1930-е гг. в Институте красной профессуры, в своих лекционных курсах подробно останавливались на творчестве Драйзера³, в учебниках истории зарубежной литературы XX века глава

о Драйзере появляется уже 1934 г. («Драйзер и мелкобуржуазный индивидуализм», автор Н. М. Эйшишкина) [Гальперина, Запровская, Эйшишкина 1934: 289–300] – и так будет и в учебниках послевоенного времени.

Статус Драйзера как классика выражался во включенности в различные культурные программы (тематические вечера, дискуссии, публичные лекции⁴), проходившие в библиотеках, в редакциях журналов, на предприятиях, в клубах. Имя классика могло присваиваться улицам, культурным учреждениям, библиотекам⁵.

Издательская политика: «наследие классика»

Издательская популярность – первый признак «советского зарубежного классика»: это огромные тиражи, постоянные переиздания, новые переводы. Р. Кеннел в своей мемуарной книге «Теодор Драйзер и Советский Союз» приводит цифры из журнала «Soviet Life» (август 1966): по состоянию на 1960-й год сочинения Драйзера были изданы в СССР на 15 языках; всего они переиздавались 170 раз, общий тираж превысил 12 млн. Последнее на тот момент 12-томное собрание сочинений (1950–1955) вышло тиражом в 200 тыс. экз. [Kennell 1969: 12].

Однако важно не только, в каком количестве, но также **что** и **как** издают. В СССР формируется свой корпус текстов Драйзера, производится селекция его произведений, причем процесс создания из Драйзера советского писателя наглядно отражает эволюцию советского книгоиздания от 1920-х к 1950-м и далее – к 1970-м.

Драйзер пришел к русскому читателю в середине 1920-х. В эпоху нэпа отчасти был восстановлен не разрушенный еще до конца революцией дух оперативного реагирования на новинки, отслеживания живого литературного процесса. В качестве автора «Американской

¹ См.: соответствующие материалы в: [Dreiser 2011: 176–188, 199, 209–212].

² См. напр. телеграммы и обращения Драйзера в «Известиях» (2 июля 1941), «Правде» (18 июля 1941), «Интернациональной литературе» (1941 №№ 7–8, 11–12, 1942 №№ 6, 7, 11).

³ См. лекции С. Динамова «Теодор Драйзер» (1935) и «Об американской литературе» (1936). (ГА РФ. Ф. Р5146. Оп. 2. Ед. хр. 46.), а тж. лекцию И. Анисимова о Драйзере (ГА РФ. Ф. Р5146. Оп. 2. Ед. хр. 20).

⁴ См. напр.: Теодор Драйзер. Методические материалы к вечеру, посвященному 15-летию со дня смерти. М.: ВГБИЛ, 1960. 17 с.

⁵ Так, например, Ближнеборисовской сельской библиотеке (Горьковская обл.) в 1960 г. присвоили имя Драйзера (к 15-летию его смерти), а его племянница Вера Драйзер отправила в дар библиотеке посылку с материалами о писателе, где были, в частности, несколько редких фотографий. Этому был посвящен целый ряд публикаций в горьковской и центральной («Литературная газета», «Литература и жизнь») прессе.

трагедии» Драйзер привлек внимание переводчиков и издателей, и «первой ласточкой» стала публикация в 1925 г. в ленинградском «Сеятеле» в переводе Марка Волосова двух сборников рассказов – «Охота на мужчину» и «Суд Линча и другие рассказы» (они были составлены на основе авторских сборников «Двенадцать американцев», «Освобождение и другие рассказы»). Еще через два года, в 1927 г., к творчеству Драйзера обратился один из гигантов нэповского книгоиздания – ленинградское частное издательство «Мысль», где вышли сборник рассказов («Необыкновенная история и другие рассказы», пер. Т. и В. Ровинских), романы «Сестра Керри» и «Дженни Герхард» (оба в пер. М. Волосова) и книга очерков «Краски Нью-Йорка» (пер. В. Стелецкого); эта же книга под названием «Нью-Йорк» в том же 1927 году появилась и в Гослитиздате в переводе П. Охрименко. Госиздат сумел перехватить инициативу, и дальнейшая судьба «советского Драйзера» оказалась в руках государственного книгоиздания.

К моменту приезда Драйзера в СССР у советских литературных функционеров – С. С. Динамова (уже вступившего в переписку с Драйзером), Осипа Бескина (на тот момент зав. отделом художественной литературы в Гослитиздате) уже возник к нему серьезный государственный интерес. Им было ясно, что Драйзер – крупная величина, «тяжеловес» мирового литературного рынка, и слава его как создателя «Американской трагедии» – не сиюминутная популярность. Динамов пришел в гостиницу к Драйзеру для личного знакомства 4 ноября 1927 г., в первый же день пребывания писателя в Москве [Драйзер 2019: 103], а еще через две недели, 17 ноября, Драйзер вместе с Динамовым и Рут Кеннел отправился в Госиздат и подписал эксклюзивный договор на издание всех его сочинений в СССР¹. Это был поворотный момент в судьбе драйзеровских книг в нашей стране.

Заключение контракта с Драйзером произошло на момент начала реализации госиздатского проекта публикации собраний сочинений зарубежных писателей². Результатом достигнутого с Драйзером соглашения стал выпуск в государственно-акционерном издательстве «Земля и фабрика» его первого собрания сочинений (1928–1933), подготовленного С. Динамовым.

В этом собрании, готовившемся серьезно и тщательно, снабженном солидным критическим аппаратом³, уже была произведена селекция произведений Драйзера. Половину томов составляли шесть вышедших к тому времени романов; три тома были отведены под сборники рассказов («Освобождение», «Цепи», «Двенадцать американцев»); с запозданием и без номера, но вышел 8-й том (1933) с «Галереей женщин». Так и остались неизданными тома 1-й (с автобиографической «Книгой о самом себе») и 9-й, который планировали назвать «По Европе и Америке (Книга путешествий)» и включить в него три травелога: «Драйзер смотрит на Россию» (1928), «Сорокалетний путешественник» (A Traveller at Forty, 1913) – о первом европейском вояже по Англии, Франции и Германии осенью 1911 г. и «Каникулы индианца» (A Hoosier Holiday, 1916) – о путешествии по родному штату Индиана. Вероятно, причиной отказа от публикации тома были разногласия по поводу допустимости издания книги Драйзера о России. Два последних травелога у нас так и не были напечатаны; из русского травелога в советский период публиковались только фрагменты⁵.

Хотя сам Драйзер был фактически отстранен от подготовки советского собрания сочинений, оно, тем не менее, делалось с установкой сохранить книги в том виде, в каком их задумал и выпустил автор; так, в собрании сочинений присутствуют оригинальные авторские

¹ См. запись об этом в: [Драйзер 2019: 104, 106]. Подробный и живой рассказ о том, как проходили переговоры и подписание соглашения см. в мемуарной книге Р. Кеннел [Kennell 1969: 58–60].

² К 1930 г., когда ЗИФ прекратил существование и был поглощен ОГИЗом (на базе ЗИФа было создано Госиздательство художественной литературы, ГИХЛ), вышли собрания пяти авторов: Драйзера, Джека Лондона (1928–1929, полн. собр. соч. в 24 т.), Анатоля Франса (1928–1930), Жюль Верна (1930, 6 т.) и Герберта Уэллса (1930, в 15 т.)

³ Подробнее об издании первого собр. соч. Драйзера см.: [Панов, Панова 2015].

⁴ Она вышла только в 1935-м и только в журнальном варианте – в «Интернациональной литературе»; отдельным изданием до сих пор не переиздавалась.

⁵ Первая глава была опубликована в сборнике к 15-летию Октября «Глазами иностранцев. 1917–1932» (М.: ГИХЛ, 1932) под названием «Что я увидел в Советской России» в пер. Н. Кадишевой. На излете советской эпохи несколько глав (в пер. О. Кириченко) были помещены в «перестроечном» сборнике публицистики Драйзера «Жизнь, искусство и Америка» (1988) и в журнале «Вопросы литературы» с предисловием А. Н. Николюкина (1989, № 11). Полностью перевод был опубликован в 12-м томе собр. соч. в 1998 г. (изд-во Терра-Книжный клуб).

сборники рассказов, соответствующие американским изданиям. В следующем собрании сочинений (ГИХЛ, 1950–1955) его составитель и редактор И. Анисимов принципиально меняет подход – и общую картину драйзеровского творчества.

Работа над новым собранием началась в конце 1930-х. Работавший тогда в ГИХЛ И. Анисимов в качестве ответственного редактора списался с Драйзером, и тот со свойственной ему педантичностью составил подробный план нового советского собрания сочинений, а кроме того, выслал комплект книг для работы над изданием¹. В ГИХЛ, между тем, составляли свой собственный план собрания, лишь отчасти совпадавший с авторским. Драйзера долго не уведомляли о ходе работ, и только в ответ на его очередной запрос в сентябре 1940 г. Анисимов отправил автору план издания, пояснив:

Конечно, жаль, что в эту программу не вмещаются пьесы, но мы стеснены поставленными нам размерами <...> Конечно, жаль, что сюда не войдут такие вещи, как "A Hoosier Holiday" и "The Color of Great City" <...> но, повторяю, мы можем дать только самое существенное и необходимое².

Публикация собрания сочинений планировалась на 1942 г., однако из-за войны оно вышло позже на десять лет (1950–1955). В процессе его подготовки возрастает роль составителя и редактора и определяется основной вектор – движение от авторских сборников к тематическим подборкам и «миксам», когда составитель следовал в первую очередь не авторской воле, но советской издательской логике (это облегчалось тем обстоятельством, что СССР не пописывал международных авторских конвенций).

Драйзер предполагал, что в готовящемся собрании сочинений, помимо романов, по томам будут распределены также и сборники рассказов и публицистики, которые он воспринимал как оригинальные авторские книги. Однако в ходе подготовки собрания эти авторские книги не вызывают ни малейшего пиетета: они разбиваются, смешиваются, дробятся; рассказы или очерки переносятся, исключаются, та-

суются по решению составителя, который становится фигурой чуть ли не более значимой, чем сам автор. Именно составитель в процессе подготовки книги производил отбор, оценку, цензуру, выступал как арбитр вкуса и полностью распоряжался авторским материалом.

В этом процессе заметны несколько градаций: 1. выборочная публикация рассказов «из сборников»; 2. создание смешанных подборок – когда вместо авторских книг появляются «повести и рассказы»; 3. сокращаются или «демонтируются» по идеологическим соображениям сборники короткой прозы и публицистики (например, «Трагическая Америка», «Америку стоит спасать») – из них выбираются только отдельные рассказы или очерки. Таким образом, больше не формируются позиции «1 том = 1 авторский сборник». Наконец, 4-й шаг – создание новых огромных «произведений» Драйзера, не предусмотренных самим автором. Это касалось публицистики, которая занимает в собрании целых два тома.

Особое внимание к публицистике Драйзера в Советском Союзе было связано не в последнюю очередь с тем, что после «Американской трагедии» (1925) Драйзер не написал ни одного нового романа, и вообще создавал крайне мало художественной прозы, посвящая себя публицистике и документалистике. Даже посмертно изданные в СССР романы «Оплот» и «Стоик» были задуманы и в основном написаны еще на рубеже 1920–1930-х гг., а в последние месяцы жизни Драйзер только завершил работу над ними³. Таким образом, для советских редакторов и издателей публицистика Драйзера оказалась важнейшим материалом для выстраивания его образа как художника, идущего от «мелкобуржуазных» установок и заблуждений раннего периода (социал-дарвинизм, индивидуализм) к политической и писательской зрелости, выразившейся в овладении методом соцреализма и вступлении в компартию США. Тот факт, что Драйзер так и не смог выразить свои «идейно зрелые убеждения конца жизни» в новых художественных сочинениях, замалчивался; огромные усилия прилагались, чтобы выставить публицистику 1930–1940-х гг. как образ-

¹Т. Драйзер – И. Анисимову. 27.12.1939 [Драйзер 1988: 331–334].

²И. Анисимов – Т. Драйзеру (б/д). АРАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 311.

³Начатые с Драйзером в 1945 г. переговоры об условиях издания последних романов «Оплот» и «Стоик» закончила уже вдова писателя Хелен Драйзер. См. ее переписку с М. Аппетиным: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1106, 1117, 1132.

цы соцреализма, показать, что в центре ее стоят «интересы масс» и она полна антиамериканской пропаганды. Этой политической и эстетической задаче выстраивания идеологически выдержанного наследия Драйзера и его идеальной биографии была подчинена развернувшаяся уже после войны работа советского редакционно-издательского аппарата по созданию советского драйзеровского публицистического канона.

Для выполнения этой задачи в советской издательской стратегии реальные публицистические книги Драйзера в их изначальном виде были не нужны – и объяснение этому лежит в области идеологии: не требовалось, чтобы у советского читателя возникал целостный образ Америки с «лишними» подробностями, чтобы у него появлялось, например, искушение сравнивать положение американского и нашего рабочего, или подозрение, что идеи Драйзера, если они и близки к социализму, представляют собой не «наш» социализм, а скорее, «социал-буржуазный». Для образа Драйзера – «советского американского публициста» собирались короткие тексты, написанные по заказу для советской прессы (боевая советская «мелочовка»), которой отдавался приоритет перед крупными публикациями на американские темы.

Хорошо заметна разница между изданием публицистики Драйзера на его родине и в СССР. В собрании сочинений, подготовленном И. Анисимовым, за период 1930–1945 гг., т. е. за время советской апроприации Драйзера, представлено 57 текстов, подавляющее большинство которых были написаны по заказу советской прессы или же сконструированы советскими редакторами без ведома автора. В американское собрание публицистики Драйзера [Dreiser 2011] за тот же период были включены 32 работы. При этом в советском собрании отсутствует примерно половина работ, включенных в американское собрание; соответственно, около двух третей работ советского собрания

нет в американском сборнике. Такое расхождение наглядно иллюстрирует различие «американского» и «советского» Драйзера-публициста.

И. Анисимов, подготовив собрание сочинений 1950–1955 гг., завершил формирование советского драйзеровского канона – в дальнейшем он практически не варьируется, а только упрощается и окончательно застывает (свидетельством тому – три 12-томных собрания сочинений в издательстве «Правда» 1955, 1973 и 1986 гг.). Серьезные изменения начинаются только в «перестроечных» изданиях – в самом конце советской эпохи¹.

«Драйзер всегда с нами»: живой классик и советская пресса

Драйзеровская публицистика была важна и *per se* – а не только как субститут «несозданных романов в духе соцреализма». Важным условием апроприации современного западного классика было его постоянное присутствие в периодике: появление его собственных публикаций, публикаций о нем и просто упоминание его имени.

Уже с начала 1930-х гг. Драйзер начинает активно привлекаться к работе в советской печати: его статьи, очерки и прочие образчики публицистики регулярно появляются в центральной прессе – в «Литературной газете», журналах («Интернациональная литература», «Октябрь», «Молодая гвардия» и др.). За пятнадцать лет сотрудничества с советской периодикой (1931–1945) Драйзер отдал дань всем жанрам, в которых обычно выступали в советской печати иностранные писатели. Это анкеты и опросы², поздравления (с Новым годом, с очередной годовщиной Октябрьской революции и т. д.), соболезнования, телеграммы и заметки к юбилеям³ и т. д. В 1941–1942 гг. в «Правде», «Известиях», журнале «Интернациональная литература» было помещено несколько телеграмм с высказываниями Драй-

¹ Попытки пересмотра канона предпринимаются в годы «перестройки». В сборнике публицистики «Жизнь, искусство и Америка» [Драйзер 1988] заметно существенное обновление корпуса публицистики. Здесь впервые сокращен объем пропагандистских «просоветских» текстов, представлены многие ранние статьи, более 80 писем и опубликованы главы книги «Драйзер смотрит на Россию».

² Драйзер участвовал, например, в опросе об источниках побед в хозяйственном строительстве (Правда. 1931. 7 ноября), в анкете, посвященной I съезду советских писателей (Интернациональная литература. 1934. № 3–4), анкете в связи с Пушкинским юбилеем 1937 года (Известия. 1937. 1 февраля) и мн. др.

³ См. напр.: его приветствие Советскому Союзу в связи с 25-летием Октябрьской революции (Интернациональная литература. 1942. № 11. С. 113), новогоднее поздравление в разгар войны (Правда. 1943. 3 января), заметку «О Горьком» к очередной годовщине его смерти (Интернациональная литература. 1942. № 6. С. 120), соболезнование по поводу смерти А. Н. Толстого (Литературная газета. 1945. 3 марта) и т. д.

зера в поддержку СССР в связи с началом Великой отечественной войны¹. Публиковались и эксклюзивные статьи и очерки по заказу советских изданий, и переводные статьи из западной прессы, а также письма, адресованные советским корреспондентам и литературным институциям; регулярно появлялись в советской прессе новостные сообщения о творчестве и общественной деятельности писателя. Существовал также разряд искусственно созданных публикаций на основе драйзеровских текстов, изначально не предназначавшихся для прессы.

Перепечатки драйзеровских статей из западной прессы появлялись в советской периодике как по инициативе советских издателей, так и по инициативе Драйзера: он присылал некоторые вышедшие публикации (в виде вырезок из периодики) или, отдавая статью в то или иное американское периодическое издание, одновременно отправлял ее и в СССР в виде машинописного текста. Случалось и так, что материалы, предназначенные для американской прессы, выходили не там, а в СССР, как, например, заметка «Заря на Востоке», написанная как ответ на анкету журнала «Common Sense», но вышедшая в «Правде» (26 октября 1939).

Советскую печать в целом не слишком интересовали статьи и высказывания Драйзера по насущным для Америки проблемам: католическая церковь и американское общество, критика Нового курса Рузвельта, школьное образование, женский вопрос, литературная полемика и проч. Замалчивались его выступления, идущие вразрез с советской политикой², не использовались материалы, посвященные СССР, но создававшиеся «не по заказу» – так, например, не нашли отклика в советской прессе многочисленные очерки и интервью о стране Советов, которые Драйзер во множестве давал по итогам своей поездки в СССР. Зато часто перепечатывались его выступления в органе компартии США – газете «Daily Worker» и прокоммунистическом еженедельнике «New Masses».

В случае с эксклюзивными материалами, писавшимися Драйзером для советской прес-

сы, инициатива исходила исключительно от советской стороны. Драйзер в этом случае работал на заказ – и эта миссия в качестве «друга СССР» весьма его тяготила:

Я получил ваше письмо от 25 ноября, но чувствую себя не в состоянии выполнить вашу просьбу. <...> Я охотно откликнулся бы на ваши просьбы, но пока я не увижу известной взаимности и признания моих услуг и нужд, я не чувствую склонности продолжать писать статьи и посылать телеграммы за свой счет и проч³.

«Известия» и «Правда» забрасывают меня телеграммами с просьбами о статьях объемом от 50 до 750 и даже 1000 слов. Они просят, чтобы я отвечал телеграфом. <...> Этого я делать не стану. Не могли бы Вы объяснить им, что это уж слишком, мне кажется, достаточно и того, что текст я предоставляю бесплатно⁴.

Важную роль в апроприации Драйзера в советский классический канон сыграли советские «контрагенты» Драйзера – посредники между ним и советской прессой. С конца 1920-х и до 1936 г. в такой роли активнее прочих выступал С. С. Динамов – главный редактор журнала «Интернациональная литература», постоянный автор «Правды», член редколлегии «Литгазеты». Вначале он рекомендовал Драйзера в центральную прессу, а затем Драйзеру стали постоянно писать напрямую из редакций самых влиятельных советских газет. В итоге уже к середине 1930-х гг. Динамову как главному редактору «Интернациональной литературы» порой приходилось «бороться» с такими могучими соперниками, как «Правда» или «Известия» за то, чтобы добыть «эксклюзив» от Драйзера.

Для наращивания эффекта постоянного присутствия «зарубежного классика» в советской прессе существовали и «вспомогательные технологии», например, фабрикация публикаций из частно-деловой корреспонденции. Драйзер вел обширную переписку с М. Я. Аплетиным, зам. председателя Иностранной комиссии ССП, с С. С. Динамовым, позже –

¹ Телеграммы Т. Драйзера, опубликованы в: «Известиях» и «Правде» 1941, 2 июля; в «Правде» 1941, 18 июля; в подборках «Интернациональной литературы» «Мастера культуры о разбойном нападении Гитлера на СССР» (1941. № 7–8. С. 192–197), «Деятели мировой культуры о войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков» (1941. № 11–12. С. 315–316).

² См. прим. 1 на с. 253.

³ Т. Драйзер – в редакцию «Правды». 14 янв. 1933. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 226.

⁴ Т. Драйзер – С. Динамову. 28 апр. 1937 [Драйзер 1988: 326].

с Т. А. Рокотовым, исполнявшим обязанности главреда «Интернациональной литературы» с 1937 г., и др. Некоторые из этих писем – иногда полностью, а чаще в виде фрагмента – публиковались в разных журнальных и газетных рубриках. Так, в советской прессе было широко растиражировано письмо Драйзера М. Аплетину с благодарностью за присланное ему подарочное издание «Слова о полку Игореве»¹. В 1942 г. появился текст под названием «Ответ Теодора Драйзера красноармейцу»². Для этой публикации был использован фрагмент письма Драйзера М. Аплетину в ответ на присланное из Иностранной комиссии военно-патриотическое стихотворение бойца Красной Армии, в котором упоминался Драйзер как друг и соратник СССР. Получив английский перевод этого образца самостоятельного творчества, Драйзер написал несколько приличествующих случаю благодарственных строк, которые и были превращены (путем «отрезания» начала и концовки драйзеровского письма) в послание американского классика некоему советскому солдату.

Таким образом в сознании читателя создавалось ощущение вовлеченности зарубежного писателя в советскую жизнь: писатель был в курсе событий, волновавших советское общество, высказывался по важным вопросам, делился с советскими людьми своими планами. Благодаря этому он был близок и понятен читателю – но эта близость была итогом целенаправленной работы советской литературно-идеологической машины.

Драйзер и советские читатели

Усилия по конструированию образа Драйзера как «зарубежного советского классика» принесли плоды уже в 1930-е гг.: именно так воспринимали автора «Финансиста» и «Американской трагедии» тогдашние рядовые читатели:

Чрезвычайно написано мастерским художественным языком, роман («Гений». – С.П., О.П.) читал с захватывающим желанием, у Теодора

Драйзера замечательный стиль, и как легко читается, это просто нет никаких слов выразить восхищение. Не подлежит никакому сомнению о том, что роман «Гений» читается широкими массами трудящихся <...> (Студент Немцев А. Л. 19 лет. Хабаровск, Далькрайисполком. 28 июля 1934 г.)

Драйзер гений. Его мастерство передачи правды изумительно. Десятилетиями ждем мы таких писателей. Лучшая вещь – «Дженни Гергард» и «Сестра Керри», все вещи, «Гений», «Финансист», «Титан», да все, все прекрасно... В библиотеках держат по 5–7 экземпляров, но, увы, их не дожидаться, Драйзер всегда в ходу. (Врач. 50 лет)³.

Правильное воспитание читателя⁴ было важным звеном в формировании канонической фигуры «советского зарубежного классика». В 1933–1936 гг. ГИХЛ печатал на своих изданиях просьбы присылать впечатления от прочитанной книги. Поступившие отзывы читателей обрабатывались и некоторые из них отбирались для печати в журнале ГИХЛ «Художественная литература». Обратная связь должна была продемонстрировать все возрастающую власть канона над читательской аудиторией. Часто отзывы были совершенно сходны с тем, что писала советская критика о том или ином зарубежном авторе, – в них воспроизводились клише и общие места из предисловий и статей:

Сегодня, т. е. 9/XI-36 г., я прочитал книгу автора Т. Драйзера «Американская трагедия». Я был глубоко потрясен жизнью американской молодежи, этой хваленной цветущей страны. Это, по-моему, рвущаяся молодежь из оков нищеты к самостоятельной жизни. Как я рад, что в нашей стране этого никогда не получится, ибо наша молодежь жизнерадостна, ей представлены все права на жизнь и труд. (Лепков Михаил Иванович, счетовод, Воронежская область, Михайловский совхоз)⁵.

¹ Это письмо было напечатано в «Правде» и «Известиях» от 7 февраля 1941 г., а также в «Интернациональной литературе» (1941. № 2. С. 242).

² Впервые появилось в газете «Литература и искусство» (1942. 4 июля). Под таким названием с 1942 по ноябрь 1944 выходила «Литературная газета» после ее объединения с газетой «Советское искусство».

³ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 1, 4.

⁴ О работе советских литературных институций с читателем см. [Добренко1997].

⁵ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 73.

Нужно ли читать эту книгу в пролетарской среде? По-моему, нужно. <...> Роман Драйзера дает картину безвыходности, зверства, обмана, в котором находится индивидуалистическое капиталистическое общество. Он целиком разбивает иллюзии о капиталистической теории, что человек наживает капиталы благодаря способности, увертливости, сообразительности. Страна, строящая социализм, должна видеть закулисы капиталистического общества, что нам дает роман «Сестра Керри» (С. П. Хлебунин, Воронеж, рабфак при ВГУ)¹.

Именно такие читательские отклики в первую очередь отбирались для печати, чтобы создать картину идейно верного понимания западной литературы советским читателем. Однако в фонде ГИХЛ в РГАЛИ сохранились также и неопубликованные письма читателей, обращение к которым позволяет увидеть, что процесс рецепции зарубежных авторов, в том числе и Драйзера, далеко не сводим к воспроизводству общих мест из литературной критики и советских идеологических клише. Порой читатели обнаруживали в романах политические ошибки и требовали их исправить, не сомневаясь, что имеют право критиковать и наставлять и комментаторов, и переводчиков, и критиков, и издателей, и даже автора:

Мальчик Каупервуд, беря пример от омара, всю свою работу проводит, осознав одно понятие – «сильный всегда поглощает слабого». Однако столь справедливое биологическое понятие в книге дается в буржуазном понятии, где Личность (скажем, Рокфеллер или Форд) в истории может играть роль. Таким образом, в книге идеализируется роль единиц. В этом книга для советского читателя не удовлетворительная. Советский читатель верить в успех эгоистично настроенного финансового дельца не может. Вернее, он верить в это будет, но понять это явление должен по советскому духу. Книга не тенденциозна, но, несмотря на это, кое-чего изображает правдиво. Часто повторяющиеся финансовые и биржевые заторы, банкротство крупных банков, гибель капиталистов... и ряд подобных явлений, характерных лишь для капиталистического общества, кое на что проли-

вают свет, но не дают ясной перспективы обязательного краха капитализма.

В этом отношении редакционная статья товарища Динамова не достаточна. Она является краткой комментарий содержания. Необходимо при печатании таких трудов давать большевицкий анализ происходящим явлениям. Этого ждать от Теодора Драйзера мы не можем. Он заграничный писатель. Но от товарища Динамова требовать можем марксистского анализа и марксистского миропонимания. <...>

Книга, захватывающая по содержанию, но зато лишена идеологического смысла, рождающего бодрость, и потому... она интересна лишь как заграничная книга. Учитывая содержание, которое может только развивать буржуазный эгоизм, считаю для массового распространения негодной без более основательного предисловия. (Ананьян, г. Петропавловск Карагандинской области, январь 1933)².

В этой «народной критике» более раннего времени слышны отзвуки критических пассажей о Драйзере второй половины 1920-х-самого начала 1930-х гг. Но уже в середине десятилетия отзывов, призывающих помнить, что Драйзер «не наш», «заграничный писатель», почти не встречается.

Нередко читатели усматривали параллели между сюжетом романа и событиями своей жизни. Такие отзывы, с одной стороны, отражают идеологию и менталитет эпохи, но в то же время представляют собой человеческие документы, показывающие, что драйзеровские книги стали для многих советских читателей любимым чтением, важной частью жизни и настоящей ценностью.

Популяризации классика среди советской аудитории способствовали экранизации и постановки. Однако отношения Драйзера с советским театром и кинематографом складывались непросто. Находясь в СССР, Драйзер с интересом знакомился с советской театральной жизнью – он посетил МХАТ, беседовал с К. С. Станиславским, отдал ему свою инсценировку «Американской трагедии» к которой мэтр проявил явный интерес. Однако надежды Драйзера, что спектакль по его знаменитому роману будет поставлен Станиславским,

¹РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 13.

²Там же. Л. 6–7.

не оправдались, так как режиссера предупредили, что пьеса не пройдет цензуру. Рассерженный Драйзер, узнав об этом, не стал предлагать Станиславскому свою пьесу «Рука гончара» (*The Hand of the Potter*, 1918), которую тоже хотел видеть на сцене МХАТа [Драйзер 2019: 294–295; Kennell 1969: 43–44]. Драйзер посещал и другие театры, в том числе Камерный А. Я. Таирова и ГОСЕТ или ГЕКТ (бывший Еврейский камерный театр) [Драйзер 2019: 180; Kennell 1969: 48–49], куда также попытался отдать «Руку гончара» (поскольку действие этой пьесы происходит в еврейском гетто)¹, но и в этом случае его усилия не увенчались успехом.

Хотя Драйзер-драматург остался неизвестным в СССР (ни одна его собственная пьеса не была у нас ни опубликована, ни поставлена), но инсценировки по его произведениям делались в немалом количестве. Наиболее известной стала пьеса Н. Г. Базилевского (Блюмкина; 1897–1965) «Закон Ликурга» (1934) по роману «Американская трагедия». Спектакли по ней ставились И. П. Ворошиловым в ЦТСА (1950) и Г. А. Товстоноговым в Театре Ленинского комсомола (1951). Н. К. Вальяно сделал драматическое переложение романа «Титан» для Академического театра драмы им. А. С. Пушкина². Популярностью у драматургов пользовался рассказ «Западня»: пьеса Э. Бородавского (1938)³ и инсценировка Е. Е. Карповой (Белоцерковской) для Театра им. Моссовета (1960)⁴ получили одобрение Главреперткома, а по сценарию В. Немоляева⁵ был снят черно-белый фильм «Западня» (киностудия Мосфильм, 1965).

«Мое личное мнение дорогие товарищи, это – такой роман необходимо демонстрировать через кинофильмы»⁶ – с этим пожеланием одного из читателей «Американской трагедии» советские культурработники были полностью солидар-

ны. Однако фильмы по драйзеровским книгам так и не стали частью советского кинематографа сталинского времени. Хорошо известна история неудавшейся попытки С. Эйзенштейна снять фильм по «Американской трагедии» в сотрудничестве с автором романа. Драйзер всецело одобрил сценарий, задуманные Эйзенштейном кинематографические решения и многого ожидал от этой киноверсии. Он долго не оставлял попыток уговорить Эйзенштейна вернуться к проекту, о чем свидетельствуют его письма советскому режиссеру⁷. Советская экранизация «Американской трагедии» появилась только на излете советской эпохи (многосерийный фильм Литовской киностудии, реж. М. Гидрис, 1981).

Драматургия была не единственной стороной творчества Драйзера, которая «не пригодилась» для создания советского драйзеровского канона. До сих пор остаются непереуслуженными и неизвестными у нас стихотворения Драйзера – его сборник «Настроения» (*Moods Cadenced and Declaimed*, 1926), эротический роман «Это безумие» (*This Madness*), опубликованный в «Cosmopolitan-International» (1929). Так и не вышли травелоги Драйзера, ждут (пере)издания его автобиографические книги – «Заря» (*Dawn*, 1931) и «Книга о самом себе» (1922). Публицистика Драйзера заслуживает того, чтобы быть представленной во всем многообразии ее тем и проблематики. То же касается и обширного эпистолярия, который у нас до сих пор опубликован скупой и фрагментарно.

Пересмотр советского драйзеровского канона, начатый в «перестроечном» издании публицистики Драйзера «Жизнь, искусство и Америка» (1988), так и не завершен, и воссоздание более цельного и исторически адекватного образа Драйзера и его наследия – задача, которую еще предстоит выполнить.

Литература

Александров, В. Теодор Драйзер в Советском Союзе. Архивные находки / В. Александров // Вопросы литературы. – 1988. – № 5. – С. 365–373.

¹ См. Р. Кеннел – Т. Драйзеру. 17.01.28. ОР ИМЛИ. Ф. 384. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

² Вальяно Н. К. Титан. Сценическая композиция в 4 действиях по роману Т. Драйзера. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 1160.

³ Бородавский Э. Западня. Трагикомедия в 1 действии. По мотивам рассказа Т. Драйзера. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 7. Ед. хр. 268.

⁴ Карпова (Белоцерковская) Е. Е. Западня. Пьеса в 3 действиях 9 картинах по рассказу Т. Драйзера. РГАЛИ. Ф. 2921. Оп. 1. Ед. хр. 374.

⁵ См.: РГАЛИ Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2269.

⁶ А. И. Цикало, счетовод, 23 года. Отзыв о романе Т. Драйзера «Американская трагедия». 19 декабря 1934 г. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 102.

⁷ См. письма Драйзера Эйзенштейну от 1927 г., 1 сент. 1931 г., 3 янв. 1937 г. [Драйзер 1988: 286, 298, 327–328].

- Гальперина, Е. Курс западной литературы XX века. Т. I / Е Гальперина, А. Запровская, Н. Эйшишкина. – М. : Учпедгиз, 1934. – 356 с.
- Голубев, А. В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии / А. В. Голубев. – М. : ИРИ РАН, 2004. – 274 с.
- Громыко, А. А. Памятное / А. А. Громыко. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – 1192 с.
- Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века / сост. Т. В. Балашова. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 473 с.
- Динамов, С. С. Предисловие / С. С. Динамов // Драйзер Т. Собр. соч. Т. 10 «Двенадцать американцев». – М. ; Л. : Земля и фабрика, 1929. – С. 7–12.
- Динамов, С. С. Теодор Драйзер идет к нам / С. С. Динамов // Литература мировой революции. – 1931. – № 10. – С. 97–103.
- Динамов, С. С. Теодор Драйзер продолжает борьбу / С. С. Динамов // Марксистско-ленинское искусствознание. – 1932. – № 5-6. – С. 135–138.
- Добренко, Е. А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры / Е. А. Добренко. – СПб. : Академический проект, 1999. – 557 с.
- Добренко, Е. А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. А. Добренко. – СПб. : Академический проект, 1997. – 321 с.
- Драйзер, Т. Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма / Т. Драйзер ; сост. Ю. Палиевская. – М. : Радуга, 1988. – 416 с.
- Драйзер, Т. Русский дневник / Т. Драйзер. – М. : ЭКСМО, 2019. – 432 с.
- Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента: Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921-1941 годы / М. Дэвид-Фокс. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 568 с.
- Куликова, Г. Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов / Г. Б. Куликова. – М. : ИРИ РАН, 2013. – 370 с.
- Ланн, Е. Л. Пробег по современной американской литературе / Е. Л. Ланн // Новый мир. – 1930. – № 10. – С. 198–202.
- Панов, С. И. Послесловие к предисловию: материалы к истории (не)издания Драйзера в СССР / С. И. Панов, О. Ю. Панова. – Текст : электронный // Новые российские гуманитарные исследования. – 2015. – № 10. – URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957>.
- Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941 гг. Исследования и архивные материалы / отв. ред. Е. Д. Гальцова. – М. : ИМЛИ РАН, 2015. – 872 с.
- Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 2000. – 1040 с.
- Brown, D. *Soviet Attitudes Toward American Writing* / D. Brown. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1962. – 338 p.
- Dreiser, T. *Political Writing* / T. Dreiser ; ed. J. Davies. – Urbana-Chicago-Springfield, IL : University of Illinois Press, 2011. – xxv+321 p.
- Kennell, R. *Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927-1945: A First-Hand Chronicle* / R. Kennell. – New York : International Publishers, 1969. – 320 p.

References

- Aleksandrov, V. (1988). Teodor Draizer v Sovetskom Soiuze. Arkhivnye nakhodki [Theodore Dreiser in the Soviet Union. Archival Discoveries]. In *Voprosy Literatury*. No. 5, pp. 365-373.
- Balashova, T. V. (Ed.). (2002). *Dialog pisatelei. Iz istorii rusko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei XX veka* [Dialogue of Writers. From the History of the Twentieth-century Russian-French Cultural Connections]. Moscow, IMLI RAN. 473 p.
- Brown, D. (1962). *Soviet Attitudes Toward American Writing*. Princeton, NJ, Princeton University Press. 338 p.
- David-Fox, M. (2015). *Vitriny velikogo eksperimenta: Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a i ego zapadnye gosti. 1921-1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 568 p.
- Dinamov, S. (1929). Predislovie [Foreword]. In Dreiser, T. *Sobranie sochinenii. Vol. 10. Dvenadsat' amerikantsev*. Moscow, Leningrad, Zemlya i Fabrika, pp. 7–12.
- Dinamov, S. (1931). Teodor Draizer idet k nam [Theodore Dreiser Comes to Us]. In *Literatura mirivoi revolyutsii*. No. 10, pp. 97–103.
- Dinamov, S. (1932). Teodor Draizer prodolzhaet bor'bu [Theodore Dreiser Continues His Struggle]. In *Marksis-tko-leninskoe iskusstvovoznanie*. No. 5–6, pp. 135–138.
- Dobrenko, E. A. (1997). *Formovka sovetskogo chitatelya. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury* [The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 321 p.
- Dobrenko, E. A. (1999). *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 557 p.
- Dreiser, T. (1998). *Zhizn', iskusstvo i Amerika. Stat'i, interv'y, pis'ma* [Life, Art and America. Articles, Interviews, Letters]. Moscow, Raduga. 416 p.
- Dreiser, T. (2011). *Political Writing* / ed. by J. Davies. Urbana-Chicago-Springfield, IL, University of Illinois Press. xxv+321 p.
- Dreiser, T. (2019). *Russkii dnevnik* [Russian Diary]. Moscow, EKSMO. 432 p.

Панов С. И., Панова О. Ю. Теодор Драйзер – «советский зарубежный классик»

Gal'perina, E., Zaprovskaya, A., Eishiskina, N. (1934). *Kurs zapadnoi literatury XX veka* [A Course of the Twentieth-century Western Literature]. Vol. I. Moscow, Uchpedgiz. 356 p.

Galtsova, E. D. (Ed.). (2015). *Postizhenie Zapada. Inostrannaya kul'tura v sovetskoj literature, iskusstve i teorii. 1917–1941 gg. Issledovaniya i arkhivnye materialy* [Understanding the West: Foreign Culture in Russian Literature, Art and Theory, 1917–1941. Research and Archival Documents]. Moscow, IMLI RAN. 872 p.

Golubev, A. V. (2004). «Vzglyad na zemlyu obetovannuyu»: iz istorii sovetskoj kul'turnoi diplomatii [“A Look at the Promised Land”: From the History of the Soviet Culture Diplomacy]. Moscow, IRI RAN. 274 p.

Gromyko, A. A. (1990). *Pamyatnoe* [Memorable]. Moscow, Politicheskaya literatura. 1192 p.

Gunther, H., Dobrerko, E. (Eds.). (2000). *Sotsrealisticheskii kanon* [Socialist Realist Canon]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 1040 p.

Kennell, R. (1969). *Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945: A First-Hand Chronicle*. New York, International Publishers. 320 p.

Kulikova, G. B. (2013). *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaya Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov* [The New World Viewed by the Old World. Soviet Russia of the 1920–1930s Viewed by Western Intellectuals]. Moscow, IRI RAN. 370 p.

Lann, E. (1930). Probeg po sovremennoi amerikanskoj literature [Running Through Contemporary American Literature]. In *Novyi mir*. No. 10, pp. 198–202.

Panov, S. I., Panova, O. Yu. (2015). Posleslovie k predisloviyu: materialy k istorii (ne) izdaniya Draizera v SSSR [An Afterword to a Foreword: Materials on the (Non) Publishing of Dreiser's Works in the USSR]. In *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya*. No. 10. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957>.

Архивные источники:

РАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 140.

РАН. Ф. 1662. Оп. 1. Ед. хр. 311.

ГА РФ. Ф. Р5146. Оп. 2. Ед. хр. 20, 46.

ОР ИМЛИ. Ф. 384. Оп. 2. Ед. хр. 14.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 117.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1106, 1117, 1132.

РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 268, 1160.

РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2269.

РГАЛИ. Ф. 2921. Оп. 1. Ед. хр. 374.

РАН – Архив Российской Академии наук

ARAN – Archive of the Russian Academy of Sciences

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

GA RF – State Archive of the Russian Federation

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

RGALI – Russian State Archive of Literature and Arts

ОР ИМЛИ – Отдел рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

OR IMLI – Manuscript Division of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Данные об авторах

Панов Сергей Игоревич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: sergeipanov@mail.ru.

Панова Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская 25а; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, комн. 969.

E-mail: olgapanova65@mail.ru.

Authors' information

Panov Sergei Igorevich – Candidate of Philology, Senior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Panova Olga Yurievna – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Professor of Department of Foreign Literature of Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).